

Из истории организации науки

М. Г. ЯРОШЕВСКИЙ, Н. А. ДАНИЛИЧЕВА

ПЕРВЫЙ В МИРЕ НАУЧНО-УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ* (К истории Петербургского психоневрологического университета)

От редакции

22 августа 1995 г. исполнилось 80 лет члену редколлегии нашего журнала Михаилу Григорьевичу Ярошевскому — одному из наиболее авторитетных специалистов отечественной психологии, истории науки, науковедения.

Научная карьера Михаила Григорьевича началась сравнительно поздно. Ей предшествовали трагические годы, когда молодому человеку пришлось испытать свою долю из чаши страданий, выпадавших на долю всякого, попавшего в «красное колесо» сталинских репрессий. М. Г. Ярошевский был арестован 9 февраля 1938 г. по «Делу Ленинградской студенческой террористической организации» и неожиданно освобожден в мае 1939 г. Он закончил аспирантуру только в 1945 г. и начал самостоятельную работу в первом научно-психологическом подразделении АН СССР — в секторе психологии Института философии. Одновременно в стенах Московского университета началась и его неустанная педагогическая деятельность.

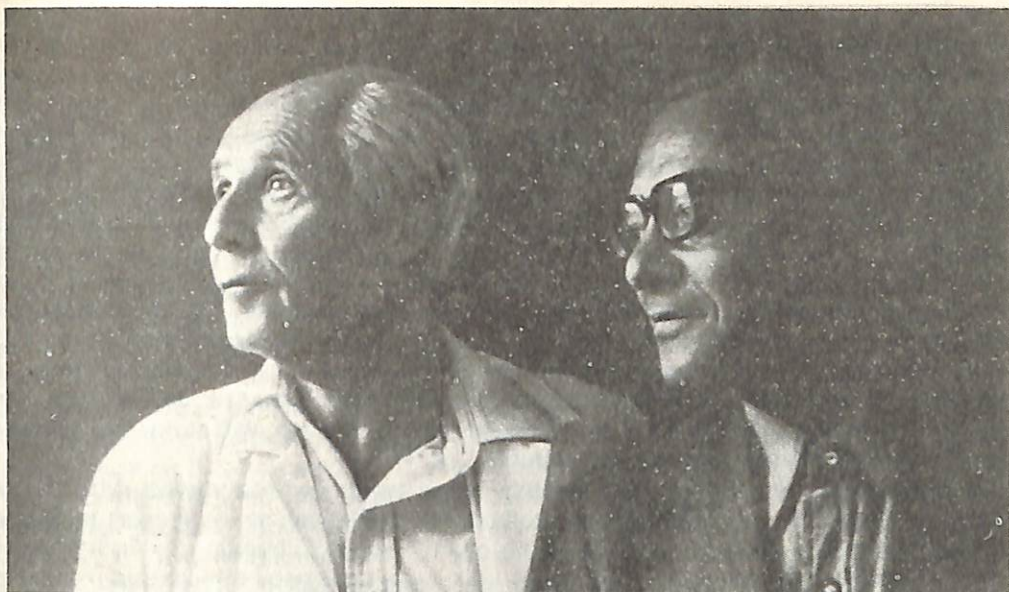
В 1951—1964 гг. М. Г. Ярошевский жил и работал в Таджикистане (в 1951 г. ему пришлось оставить Москву, т. к. вновь начались гонения на ученых). Там он организовал две кафедры и лабораторию экспериментальной психологии в университете и педагогическом институте. С 1965 г. он — сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР, в котором создал сектор психологии научного творчества (ныне — социальной психологии науки). Научные интересы Михаила Григорьевича всегда были чрезвычайно широкими: методология и история психологии, науковедение, общие методологические проблемы историко-научных исследований. В его работах удачно сочетаются основательные эмпирические (включая архивные) историко-научные поиски и стремление к осознанию и выражению глобальных закономерностей развития науки.

Среди нескольких сотен публикаций Михаила Григорьевича — такие широко известные и получившие всеобщее признание монографии, как «Принцип детерминизма в психофизиологии XIX в.» (1961), «История психологии» (1966, 1976, 1985, 1995), «Психология в XX столетии» (1971, 1974), «Сеченов и мировая психологическая мысль» (1981), «Краткий курс истории психологии» (1995) и др. Он был инициатором (а также одним

Михаил Григорьевич Ярошевский.
МГУ, 1989 г.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта: 94-06-19757).

Г. Селье (слева) и М. Г. Ярошевский. Монреаль, 1979 г.

из авторов и редакторов) серии книг «Основы психологии», фундаментального обобщающего труда «Основы науковедения», одного из первых трудов по социальной истории отечественной науки — «Репрессированная наука» (кн. 1 и 2). Нельзя не вспомнить в этой связи и удивительно страстно написанную Ярошевским, драматическую по содержанию научную биографию Л. С. Выготского (1993).

М. Г. Ярошевский — действительный член Нью-Йоркской академии наук, почетный член Российской академии образования. Под его непосредственным руководством защищено более 35 кандидатских и докторских диссертаций. Еще большее количество психологов и историков науки считает себя воспитанниками научной школы, неформальным, но безусловным лидером которой является Михаил Григорьевич.

Как нам кажется, такие личные качества Михаила Григорьевича, как острое чувство нового и нетривиального, способность к точному наблюдению и анализу, а также неутомимая работоспособность, делают его не столько признанным «патриархом» нашей непростой профессии, сколько истинным «генератором» идей, исследовательских проектов, новых начинаний и постоянным «центром притяжения» специалистов самого разного профиля.

От всей души поздравляем юбиляра!

Крупным очагом науки и образования в царской России в предреволюционный период стал вольный (внегосударственный) Психоневрологический университет в Петербурге. В его краткой, но бурной истории (1907—1921) отразились глубинные социальные процессы, выражавшие потребность страны в демократизации, в коренных преобразованиях высшей школы, создании условий для развития независимой от казенных властных структур научной мысли, широкого просвещения народа. Появление большого количества общественных и частных высших учебных заведений (по подсчетам А. Е. Иванова, в 1900—1917 гг. их было более 80 [1, с. 100]) в известной степени удовлетворяло запросы торгово-промышленных кругов стремившейся по пути капитализма России. Поэтому значительная часть вновь создаваемых неправительственных высших учебных заведений готовила специалистов профессионально-технического профиля. Но наряду с этим следует принять во внимание осознание передовой частью русского общества острой нужды в духовном обновлении Родины, в культивировании знаний, необходимых для формирования человека новой, свободной России, способного обеспечить ее процветание среди других цивилизованных стран.

Эта социально-мировоззренческая установка прочно утвердилась у нарождавшей-

ся русской интеллигенции после отмены крепостного права. Именно она обусловила то обстоятельство, что в изучении человека (как в биологическом плане, так и в плане гуманитарного знания — история, филология, этнография и др.) русская научная мысль породила ряд мощных направлений в мировой науке. Среди них выделились исследования мозга и психики в школах И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. Этими прославленными школами была создана наука о поведении и его психической регуляции, внедрены объективные, естественнонаучные методы в анализ душевных явлений. Эти методы соотносились с достижениями различных ветвей биологии, прежде всего нейрофизиологии. Но и для Сеченова, объектом экспериментов которого служила лягушка, и для Павлова, экспериментировавшего над головным мозгом собак, сверхзадачей являлось познание высших форм поведения. Так, завершая изложение своей программы, И. П. Павлов на Международном медицинском конгрессе в Мадриде выразил надежду на то, что полученные данные «наука перенесет рано или поздно и на наш субъективный мир и тем самым сразу и ярко осветит нашу столь таинственную природу, уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека все более — его сознание, муки его сознания» [2, с. 39].

В. М. Бехтерев (приобретший всемирную известность своими трудами по анализу строения и функций центральной нервной системы) был исследователем широкого профиля. В отличие от Сеченова и Павлова, он совместно с сотрудниками изучал, используя экспериментальные и клинические методы, механизмы поведения и сознания человека, закономерности формирования личности, средства ее совершенствования. В нем жила идея познания природы человека как целостного биосоциального существа, чтобы интегрировать все знания об этом уникальном объекте. По существу это была идея создания комплексной науки о человеке — человековедения. Поскольку В. М. Бехтерев был неврологом, психологом, психиатром (средоточием же бытия человека служит его нервно-психическая организация), то, продумывая проект научной организации, исследующей человека как комплексный объект, он решил дать этой организации название — Психоневрологического института. Толчком к созданию данного научного учреждения стала рекомендация (в 1904 г.) международной ассоциации, именуемой «Центральная комиссия для исследования мозга», о желательности учреждения сети институтов для изучения центральной нервной системы.

Мысль о создании специальных клиник и лабораторий уже бродила в кругу петербургских ученых: В. М. Бехтерева, В. А. Вагнера, А. Ф. Лазурского, Л. М. Пуссера и др.

Здание Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института имени В. М. Бехтерева (ныне ул. Бехтерева, 3). Фото 1979 г.

В октябре 1920 г. в докладе на конференции по образованию В. М. Бехтерев отмечал, что первоначальный замысел создания своеобразного учено-учебного заведения по исследованию мозга и его функций зародился у него в мае 1903 г., но устав указанного заведения удалось утвердить лишь в июле 1907 г. [3, с. 437].

Говоря о становлении Института, Бехтерев никогда не упоминал о тех огромных усилиях, которые были им приложены с целью пропаганды этого замысла в самых различных общественных кругах, включая придворную аристократию, чтобы в условиях правительственной реакции добиться утверждения устава Советом министров, а также выделения лично Николаем II большого земельного участка для строительства институтского здания.

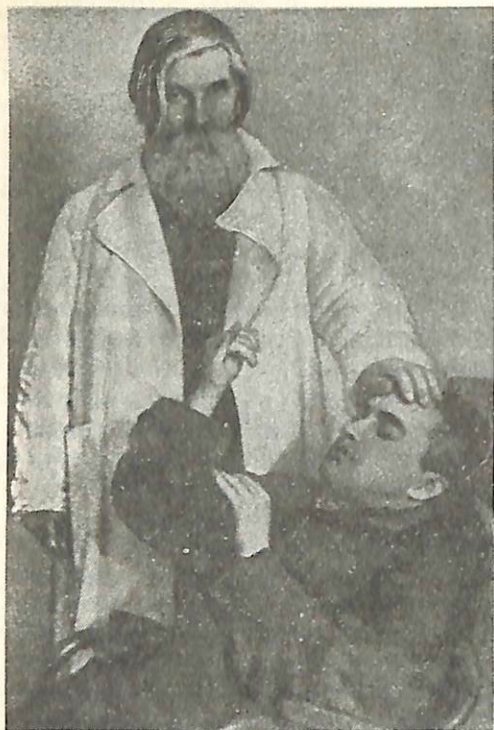
Изучение центральной нервной системы и ее функции представляло собой, казалось бы, сугубо научную, «академическую» область. Однако в условиях социальных коллизий, сотрясавших русское общество, эта наука воспринималась под особым углом зрения. Ее разработка теснейшим образом ассоциировалась с проблемами педагогики, медицины, психотерапии, криминалистики, борьбы с алкоголизмом, с социальными бедами. В то же время те, кто планировал исследовательский центр, изначально рассчитывали на создание очага просвещения, где бы формировалось поколение молодых ученых, способных культивировать и отстаивать свободную мысль.

Поэтому термин «психоневрологический», который Бехтерев предложил для обозначения этого «очага», носил условный характер. Он подчеркивал важность опоры на научное знание о нервной системе и психике при анализе и решении острейших человеческих проблем, в основе своей социальных. Не случайно руководство комиссией, которая впоследствии занялась разработкой программы Института, было возложено на известного социолога М. М. Ковалевского. Бехтерев же, говоря о задачах Института, отмечал, что программа этого учреждения предусматривает всестороннее изучение разнообразных проявлений деятельности человеческого ума и творчества, а вместе с тем и изучение всех важных в общественном смысле ненормальных, болезненных отклонений психической деятельности человека [4, с. 6]. Среди этих задач выдвигалась и такая (на которую специально обратил внимание А. Е. Иванов [1]): с помощью социально-психологических наук (здесь выделялась сравнительная психология народов) «удастся улавливать народный пульс, когда они будут освещать психологическую сторону общественных событий и дадут возможность предвидеть исход народных движений» [4, с. 7]. Стало быть, имелась в виду также и социальная патология — ненормальности поведения, «важные в общественном смысле» [4, с. 7]. Уже это свидетельствовало, что рекомендованное международной комиссией научное исследование мозга преломлялось в русском варианте в призванное непосредственно обслуживать нужды людей практики — врачей (с акцентом на их социальную миссию), юристов, педагогов.

Соответственно и тот, говоря нынешним языком, «неформальный научный коллектив», в кругу которого созрели идеи, вскоре воплощенные в новом Институте, состоял из представителей различных естественных и гуманитарных наук, внутренне мотивированных на то, чтобы интеграция разрозненных знаний о человеке позволила дать целостную картину, способную стать ориентиром для обновления России.

Преподавателями Психоневрологического института стали передовые и талантливейшие русские ученые, представлявшие различные дисциплины: В. А. Вагнер, П. Ф. Лесгафт, Г. В. Хлопин, В. Л. Комаров (будущий президент Российской академии наук), Е. В. Тарле, А. В. Гервер, Е. Н. Павловский, К. И. Поварнин, А. Ф. Лазурский, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, Б. Е. Райков, П. А. Останков, М. Н. Жуковский, Ю. А. Филиппченко и многие другие. Их участие в деятельности Института позволило превратить его в уникальное научно-учебное заведение. В нем культивировались междисциплинарные связи, что позволило сформировать по сути первый в истории центр человековедения.

Душой этого коллектива был Владимир Михайлович Бехтерев — человек огромной энергии, умело использовавший свои связи при дворе. Он имел звание лейб-медика, и когда министр внутренних дел или какой-либо другой чин из царской администрации чинил препятствия Институту (предпринимались даже попытки закрыть

В. М. Бехтерев проводит сеанс гипноза

проблемы вырождения, алкоголизма, наркомании. Обратим внимание на социальную направленность большинства дисциплин, к преподаванию которых были привлечены лучшие научные силы, причем профессора с ярко выраженными прогрессивными воззрениями. Что касается педологии, то важное место, которое отводил ей Бехтерев, являлось, по сути, распространением его ключевой излюбленной идеи о комплексном изучении личности в детстве, тем более что к детям научные методы наблюдения, эксперимента и др. применялись с большей эффективностью (в плане доступности и воспроизводимости), чем к взрослым испытуемым.

В 1908 г. царь пожертвовал из кабинетного фонда 30 тыс. кв. саженей земли в Петербурге для «строительных потребностей» Института. Но пока шло строительство, Бехтерев подыскивал помещения, где можно было начать чтение лекций. В то время по политическим соображениям были закрыты известные курсы П. Ф. Лесгафта, и последний, узнав об утверждении устава Психоневрологического института, предложил Бехтереву помещение на Гороховой улице. Как вспоминал В. М. Бехтерев, бывшие слушатели лесгафтовских курсов «болтались без дела чуть ли не больше года», пришли на новые курсы, воспринимая их как продолжение предшествовавших «крамольных», созданных их любимцем, человеком безупречной нравственности, П. С. Лесгафтом. Когда Бехтерев сообщил в Министерство просвещения о выборе помещения, в котором будет работать новое учебное заведение, то «там сделали гримасу, но устав был утвержден Советом министров, и решено было выждать, как поведут себя новые курсы» [6].

Их публичное открытие собрало огромную аудиторию, преимущественно молодежную. Вступительная речь Бехтерева и лекции профессора социологии Е. В. Де Роберти были встречены овациями и заслушаны с огромным вниманием. Министерство народного просвещения направило на открытие одного из своих чиновников, наказав выслушать и оценить лекцию Де Роберти по социологии, которая считалась в Министерстве одиозной наукой. Когда Бехтерев спросил у этого чиновника, как же он доложил министру, тот ответил, «что заявил министру, что ни он, ни публика ничего не поняли» [6].

его), Бехтерев через головы этих чинов непосредственно обращался к царице и великим князьям, выручавшим его. Его импозантная внешность производила большое впечатление. По неопубликованным воспоминаниям Б. Е. Райкова, «величественная фигура в темно-зеленом мундире с генеральскими погонами и орденом Анны на шее; лицо умного русского мужика с окладистой бородой и седующими волосами, которые низко опускались на уши; добродушные, но пронизательные глаза, неторопливая, убедительная, чисто русская речь с оригинальными оборотами. Этот медицинский генерал, вхожий в царский дворец, был прогрессивным ученым» [5]. 9 июня 1907 г. был утвержден устав нового Института, согласно которому ему предоставлялась широкая самостоятельность. По мысли Бехтерева, Институт должен был быть одновременно и высшей школой с курсами различных наук. Студенты должны были изучать социологию, педологию, гигиену, биологию, антропологию, криминологию, рефлексологию (Бехтерев трактовал ее как объективную психологию), различные отрасли невропатологии и психиатрии. При этом в разделе психиатрии на передний план выдвигались

Курсы были открыты и могли продолжать свое дело. Очень скоро они превратились в высшую школу при Институте. Эта высшая школа состояла из пяти факультетов: основного, медицинского, естественно-юридического и исторического. Поступающий в этот вуз студент должен был сперва обязательно окончить основной факультет с двухлетним сроком обучения. Именно благодаря этому факультету закладывались основы «человековедческих» знаний, которыми, по замыслу Бехтерева, должен владеть любой специалист. Наряду с этим основной факультет являлся «ориентировочным» в том смысле, что, обучаясь на нем, молодой человек сможет осмысленно выбрать специальность и решить, на каком факультете будет в дальнейшем обучаться — медицинском, юридическом, историческом. К учебе свободно допускалась молодежь без различия пола, классовой и национальной принадлежности, вероисповедания. Поэтому в нем были сняты рогатки, которые государственная система ставила женщинам, лицам иудейского вероисповедания (для которых существовала «процентная норма»), а также политически неблагонадежным. Высокий уровень преподавания и вся атмосфера, царившая в университете, который, в отличие от государственных университетов, пользовался автономией, сделали его чрезвычайно популярным среди молодежи, стремившейся получить высшее образование. Обучение было платное (125 рублей в год). Эта сумма являлась главным источником его существования, из которого он должен был платить жалование служащим, гонорары профессорам, приобретать пособия, строить и ремонтировать здания и т. д.

Число обучающихся стремительно росло. От 400 студентов первого приема оно увеличилось до 10000 человек. Дух свободолюбия пронизывал всю жизнь этого научно-учебного центра, молодежный состав которого был резко политизирован. У охраны имелись все основания считать его «очагом революции».

Здесь регулярно шли студенческие сходки, где принимались антиправительственные резолюции. Чтобы не допустить вмешательства полиции, ректорат, как вспоминал Б. Е. Райков, выработал своеобразную тактику. По договоренности со студенческими старостами, сходка собиралась внезапно (чтобы полиция не могла быть предупреждена), но о времени ее проведения немедленно ставили в известность проректора. В день сходки проректор намеренно отсутствовал в университете. О сходке ему сообщали по телефону, после чего он брал извозчика и через час появлялся в президиуме собрания в сопровождении университетских служащих, объявлял сходку незаконной и просил господ студентов разойтись. Когда появлялась полиция, ей сообщали, что сходка действительно собралась, но приехал проректор и распустил ее. «И студенты не побили его?» — «Нет, послушались и разошлись». Такие события производили в градоначальстве большое впечатление, и ректор мог писать в соответствующие инстанции, что университет не нуждается в применении полицейской силы, так как студенты беспрекословно подчиняются распоряжениям своей университетской администрации [5].

Научная репутация Института была весьма высокой. Газета «Русский врач» писала о нем в 1913 г.: «В настоящее время название Психоневрологического института, отвечав-

Скульптурный портрет В. М. Бехтерева работы М. Блоха. Изображение больного мальчика выполнено В. М. Бехтеревым

шее целям и задачам этого учреждения в первые дни его существования, оказывается уже узким. Институт теперь уже перерос те широкие сами по себе рамки, в которые заключала его мысль его инициатора. Теперь он представляет не специальное, а универсальное учение и высшее учебное заведение и ему больше подходит название может быть „университет“, может быть „академия“, но ни в коем случае не Институт» (цит. по: [7, с. 3—4]).

Касаясь Экспериментального института по изучению алкоголизма, автор статьи далее отмечал: «он устроен образцово, ничего подобного мне не приходилось видеть ни в России, ни в Западной Европе» [7, с. 3—4].

В системе Института возник и ряд других учреждений: Криминологический институт, Институт по изучению нормального ребенка и множество клиник. Подобного центра в тот период в мире не существовало. Этот центр стал питомником кадров для будущей советской науки.

Царившие в Институте в студенческой среде резко выраженные антиправительственные настроения побудили министра Кульчицкого отдать распоряжение о закрытии Института. Но через три дня грянул «Февраль», и постановление министра до Бехтерева не дошло, а сам министр попал в Петропавловскую крепость. Студенты Института приняли активное участие в революционных событиях, в том числе и на стороне большевиков.

Как известно, Бехтерев, в отличие от многих профессоров, активно поддержал новую власть. Некоторые профессора, в том числе президент Института С. К. Гогель (избранный до него единогласно Бехтерев не был утвержден Министерством просвещения и оставался деканом медицинского факультета), П. А. Сорокин и др. эмигрировали. Бехтерев от предложения эмигрировать отказался. Он был полон надежд на дальнейшее развитие Института с целью еще более широкого комплексного изучения личности.

Но его планам не довелось осуществиться. Были закрыты (под предлогом, что они дублируют другие учреждения) все факультеты, кроме медицинского. Их преподавательский состав был попросту уволен, даже без предупреждения. После долгих перипетий был открыт новый Психоневрологический институт им. Бехтерева, имевший чисто медицинскую направленность. Созданный же в условиях царской реакции уникальный научно-учебный центр, работа которого была первым в истории науки опытом широкомасштабного комплексного изучения человека, вопреки декларативным заявлениям о том, что при новой власти это изучение достигло «небывалого расцвета», как это ни прискорбно, прекратил свое существование.

Список литературы

1. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.
2. Павлов И. П. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 3. Кн. 1. М.-Л., 1951.
3. Бехтерев В. М. О деятельности Психоневрологического института как высшего педагогического учреждения и его роли в педагогическом строительстве // Вопросы изучения и воспитания личности / Ред. В. М. Бехтерев. СПб., 1921. № 3.
4. Бехтерев В. М. Задачи Психоневрологического института. СПб., 1908.
5. С.-Петербургское отделение Архива РАН (далее — СПбОРАН). Ф. 893. Оп. 2. Ед. хр. 4.
6. СПбОРАН. Ф. 842. Оп. 1. Ед. хр. 2.
7. Авербух Е. С., Мясцев В. Н. Краткий очерк научной деятельности Института им. В. М. Бехтерева // Научно-исследоват. деятельность Института за 50 лет. М., 1958.

И. Е. СИРОТКИНА

НАЧАЛО ПСИХОТЕРАПИИ В РОССИИ: ЧАСТНЫЕ ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ЛЕЧЕБНИЦЫ И САНАТОРИИ*

Социальное пространство психиатрии

Мишель Фуко дал яркое описание образа жизни альенистов — психиатров начала прошлого века, которые руководили общественными приютами для душевнобольных: окруженные пациентами, как короли слугами, они походили на феодалов [1]. В конце прошлого века статус психиатров изменился: приюты превратились в больницы, а врач становился сродни государственному служащему. В то же время стали во множестве возникать частные лечебницы для богатых клиентов; процветала частная практика. Оказавшись более зависимыми от своих пациентов, психиатры конца века иначе, чем альенисты, строили свои взаимоотношения с больными, придерживаясь более индивидуального подхода к лечению и подчеркивая терапевтическую ценность близких отношений между персоналом и пациентами в клинике. Эти изменения совершались на фоне теоретического развития психиатрии, в частности, возникновения концепций психогенеза душевных болезней и особого метода их лечения — психотерапии. Санатории и частные клиники как нельзя более подходили для организации в них психотерапевтических мероприятий, тогда как большие общественные психиатрические больницы были местом медиализации психиатрии. Несмотря на то что врачи частных клиник и санаториев редко непосредственно участвовали в теоретических дискуссиях, их стиль лечения подготовил почву для возникновения психотерапии.

Моей задачей будет взглянуть на частные клиники и санатории как на учреждения, благодаря которым было создано социальное пространство для возникновения психотерапии, а следовательно, и для новых концепций личности, получивших распространение в психологии XX в.

В 1828 г. немецкий врач Х. И. Лодер открыл в Москве (во Втором Ушаковском, ныне Хилковом переулке) «заведение искусственных минеральных вод», где до 125 пациентов лечились не только водами, но также прогулками, музицированием, чтением и беседой. Москвичи видели пациентов Лодера постоянно праздными, прогуливающимися в саду; с тех пор знакомое всем слово «лодырь» — немного измененное имя владельца заведения — вошло в русский язык. То, что предлагал немецкий врач — лечение отдыхом, покоем, беседой (то есть будущая психотерапия), — сначала было отмечено в сознании русского человека как несерьезное, пустое занятие. Тем не менее всего несколько десятилетий спустя общественное мнение стало настолько благосклонным, что в Москве в конце XIX в. открылось 40 частных психиатрических лечебниц и санаториев [2]. В основном они были рассчитаны на привилегированную и состоятельную публику, однако в начале века возникла идея «народных санаториев», подобных открытому в Германии в 1900 г. *Haus Schönau*, а также другие проекты организации психотерапевтической помощи небогатым людям.

Но дела в России движутся медленно. Только в 1830 г., после двух лет хождения по инстанциям, доктору медицины и хирургии Ф. И. Герцогу удалось открыть первую в Москве частную психиатрическую лечебницу. В 1831 г. в лечебнице находилось восемь человек: шесть мужчин и две женщины [3, л. 83]. В частных лечебницах один служитель приходился на 1-2 больных, медсестра — на 4-7 больных, врач осматривал 10-14 пациентов, а в палате находилось не более двух человек. Это делало наказания и меры стеснения — цепи, смирительные камзолы — ненужными, хотя они еще долгие годы применялись в общественных больницах. Так, С. С. Корсаков, придя в 1871 г. после окончания университета в городскую Преображенскую больницу, услышал от старого и уважаемого врача: «В университете ведь вас мало учили психиатрии; вы, ве-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 94-06-19757).